

Валерий Брюсов

Метерлинк-утешитель

Валерий Яковлевич Брюсов

Метерлинк-утешитель

«Морис Метерлинк, недавно ещё „властитель дум“ своего поколения, ныне – экс-пророк, фельетонист субсидируемого „Фигаро“ и любезного бюргерам „Берлинер Тагеблатт“, занялся в своей последней книге „Le double jardin“ утешением и успокоением смятенных современных душ. Ласкательным голосом аббата-исповедника, перед которым рыдает нервная француженка, говорит он своим читателям о пчелах и шпаге, о „рулетке“ и всеобщем избирательном праве, а под конец, в статье „Оливковая ветвь“, и о современном политическом положении. „Уже много столетий, – пишет он, – занимаем мы эту землю, и самые страшные опасности – все уже в прошлом. Каждый проходящий час увеличивает наши шансы на долгую жизнь и победу. Общая сумма культурности на всем земном шаре никогда не была так высока, как теперь. Афины, Рим, Александрия были только лучезарными точками, которм грозил окружавший и, наконец, всегда поглощавший океан варварства. Ныне, если не считать жёлтой опасности, которая, кажется, не серьёзна, уже невозможно, чтобы нашествие варваров погубило в несколько дней наши существенные завоевания. В худшем случае можно ожидать только остановки ненадолго и перемещения духовных богатств“...»

Метерлинк-утешитель (О «жёлтой опасности»)

Морис Метерлинк, недавно ещё «властитель дум» своего поколения, ныне – экс-пророк, фельетонист субсидируемого «Фигаро» и любезного бюргерам «Берлинер Тагеблатт», занялся в своей последней книге «Le double jardin»[1] утешением и успокоением смятенных современных душ. Ласкательным голосом аббата-исповедника, перед которым рыдает нервная француженка, говорит он своим читателям о пчелах и шпаге, о «рулетке» и всеобщем избирательном праве, а под конец, в статье «Оливковая ветвь», и о современном политическом положении. «Уже много столетий, – пишет он, – занимаем мы эту землю, и самые страшные опасности – все уже в прошлом. Каждый проходящий час увеличивает наши шансы на долгую жизнь и победу. Общая сумма культурности на всем земном шаре никогда не была так высока, как теперь. Афины, Рим, Александрия были только лучезарными точками, которым грозил окружавший и, наконец, всегда поглощавший океан варварства. Ныне, если не считать жёлтой опасности, которая, кажется, не серьёзна, уже невозможно, чтобы наше-

ствие варваров погубило в несколько дней наши существенные завоевания. В худшем случае можно ожидать только остановки ненадолго и перемещения духовных богатств».

Откуда эта самоуверенность тона? И откуда это сытое самодовольство? Оправдывают ли их история и события дня? И не ирония ли Случая, которого сам Метерлинк признает за божество и который часто оказывается божеством, любящим зло посмеяться, — не ирония ли Случая, что эти самоуверенные и самодовольные слова прозвучали именно в дни Ляоянских боёв?

Разумеется, не войны двигают историю, не сражения, не взятие крепостей и городов: это — истина элементарная. Но война вскрывает и обнаруживает те силы, которыми живут народы и которые иначе легко ускользают от внимания наблюдателя, особенно современника. Теперь, когда судьбы Рима свершились, нам совершенно ясно, что Цезарь должен был восторжествовать над сенатской партией и что не битва при Фарсале превратила республиканский Рим в императорский,

а неумолимая последовательность его исторического развития. Но для современников Цезаря, в буре гражданских войн, это было далеко не так явно, и для этих современников война с Помпеем была роковым, поворотным событием, сразу открывшим всем глаза на те новые силы, которыми втайне уже жил Рим. Не намечают ли для нас потрясающие события Дальнего Востока то русло, по которому ринется поток ближайших событий? Не дано ли нам подсмотреть при молнийных вспышках растущей грозы страшное будущее, подстерегающее нас – самоуверенных, нас – успокоенных?

Колумб, думая, что достиг через Атлантический океан берегов Индии, воскликнул: «Что за маленький мир!». Мы дожили до дней, что мир действительно стал маленьким в том смысле, что стал ограниченным, обозримым. Недавно умерший Стэнли был едва ли не последним путешественником по неизведанным странам. Люди, подобные ему, становятся столь же вымершим типом, как странствующие рыцари. Жюльям Вернам будущего придётся переносить фантасти-

ческие приключения своих героев на другие планеты (что уже начинает Уэллс), потому что на земле не осталось для них места. К водопаду Мозиоа-Тунья можно теперь подъехать по железной дороге; в глуши Анголы, где происходило действие «Пятнадцатилетнего капитана», есть бельгийские гостиницы, первоклассные и второклассные; английская вооружённая миссия вступила в мифическую Лхассу! И только ледяные сфинксы двух полюсов ещё удерживают в лапах свои не очень таинственные загадки.

В течение долгих тысячелетий было несколько местных центров «всемирной» истории. Когда страны вокруг Средиземного моря переживали свой цикл развития от времен первых финикийских колоний до эпохи Возрождения, — совершенно самостоятельной жизнью жила Америка, где совершилась драма возрастания, могущества и падения державы майев, где потом расцвели новые культурные государства ацтеков и инков. Походы конкистадоров временно связали эти два мира, но очень скоро обновлённая Америка опять зажила своей отдельной жизнью, и до по-

следних дней Европа почти не интересовалась ею. Одновременно, чуть ли не ещё более обособленно, развивался третий культурный мир на берегах Жёлтого моря, переживая свою тысячелетнюю историю. На наших глазах эти «местные» истории сливаются в единую мировую. Междоусобная борьба соседей уступает место столкновениям целых рас и цивилизаций. Такие факты недавнего прошлого, как три раза возобновлявшийся дележ Африки как образование Британской империи и завоевание Трансвааля, как война Соединённых Штатов и Испании, как вступление соединённых европейских отрядов в Пекин, — определённо указывают на наступление новой эпохи. Есть очень известная и очень ценная книга Ф. Шлоссера «История XVIII столетия». Несмотря на своё универсальное заглавие, она говорит только о Европе. «История XIX века» будет уже явно неполной, а «История XX века» просто невозможной, если в неё не войдут события других частей света.

Миновали времена междоусобных войн европейцев между собой. Открыта вся земля

для мирового состязания рас и целых материков.

Говорят, что характерная черта нашего времени – торжество индивидуализма. Отдельные личности замыкаются в себе, отгораживаются от всех других, обособляются в высшей степени. Но, чуждаясь «ближних», современный человек бесчисленными нитями связан с миллионами своих «дальних» братии. Важно не то, что Русская и Британская империи или возможный панамериканский союз по пространству сравнивается или превзойдёт державу Чингис-хана. Важнее, что вопросы выгоды, чисто личные, житейские соображения, интересы науки и искусства заставляют современного человека не только с холодным любопытством следить за жизнью себе подобных, но и всей душой участвовать в их переживаниях. Какое дело было члену Ганзы в XIV веке до неоткрытой ещё *terra australis incognita*[2]? А современному немецкому купцу вовсе не безразлично, каков урожай в окрестностях Сиднея и Мельбурна. Интересовался ли английский придворный времен Елизаветы японскими делами? А теперь иду-

щая война, не говоря о более возвышенных соображениях, уже потому интересует какого-нибудь богатого английского лорда, что мешает ему совершить модное экзотическое путешествие. Явился новый тип международных писателей, произведения которых одновременно выходят на нескольких языках и которые за границей нередко имеют больший успех, чем в родной стране. Так, например, каждое новое произведение Льва Толстого с одинаковым волнением встречается как в Петербурге, так и в Лондоне, Париже, Буэнос-Айресе. В победе газетного листа, завоевавшего наш век столь же решительно, как в XVII веке завоевал Европу табак, есть и своя положительная сторона: газета ежедневно роднит нас со всем миром.

Элин был гражданином своего города и часто смертельным врагом соседнего. Рим выработал новое понятие – *civis Romanus* [3] – гражданин всего культурного мира. Это понятие, которое, благодаря связующей силе католицизма, смутно теплилось в сознании даже раздробленной феодальной Европы, но которое почти угасло в периоды рефор-

мации и революции, под влиянием «века просвещения» и позитивистских идей – начинает пробуждаться в наши дни. Против воли, стихийно все народы, приобщившись к европейской христианской культуре, начинают сознавать своё единство. Что ни говорить, но мы очень далеки от тех времен, когда возможна была тридцатилетняя война между афинянами и спартамцами, причём в ожесточении борьбы победители отрубали правую руку у взятых в плен! Ещё недавно жители Венеции с гордостью говорили: «Мы не итальянцы, мы – венецианцы». Теперь они повторяют это уже только в шутку. Даже французские мечты о реванше всё более и более делаются достоянием юмористических журналов. Нам, среди наших религиозных споров, единство христианских вероисповеданий кажется фикцией. Но после Тюренченского боя японцы поручили похоронить тела русских солдат протестантскому священнику: сами того не желая, они обнародовали взгляд на христианскую Европу как на целое.

Гордая своими успехами, открытиями, изобретениями, завоеваниями, Европа давно

употребляет слова «культура», «цивилизация» в смысле «европейская культура», «европейская цивилизация». Она забыла, что были другие культуры, ставившие себе иные задачи, оживленные иным духом, отличавшиеся внешними формами, в которые отливало их содержание: культура ассиро-вавилонская, египетская, греко-римская, византийская, майев, ацтеков, инков. Что такое культура? – Это сознательное отношение к жизни, к миру, это «народное мирозерцание», выразившееся в быте. «Культур» может быть столько же, сколько мирозерцания. [Ей кажется, что другие культуры только предчувствия её культуры и приближения к ней. У неё нет никакого права так думать.] Разве самый дух, например, Ассиро-Вавилонии не был иным, чем дух христианской Европы? Разве теперь культуры Европы и Дальнего Востока не противоположны друг другу по самой своей сущности: это именно два мира, в которых всё разное – самый способ мышления, красота и безобразие, добро и зло, Бог и Дьявол. Во всех мелочах, которые теперь достаточно известны благодаря множеству трудов, книг

и брошюр о Дальнем Востоке, – чувствуется эта разность, созданная многотысячелетним обособленным развитием, если не прямо – различием по происхождению. Бесспорно, что народы всей земли – хотя бы те же японцы – заимствуют теперь у европейцев по крайней мере их военный строй, их пушки и броненосцы. Но эти внешние позаимствования можно сравнить с принятым нами халдейским счетом 60 минут в часе, с халдейской же неделей в 7 дней и с индийскими (ошибочно называемыми арабскими) цифрами. Никто не утверждает, что европейцы заимствовали свою культуру у индусов и халдеев.

Какие же причины вообразить, что европейская культура окажется, не говорю, бессмертной, но более долговечной, чем многие другие, восставшие на земле во всём сиянии знания, религиозно-философского мышления, художественного творчества и после нескольких столетий жизни исчезающие из истории навсегда? Культура новой Европы моложе двух тысячелетий, тогда как египетская пережила четвёртое тысячелетие и всё-таки нако-

нец погибла. Конечно, мы оказались победителями на большей части земного шара, но и ассирийцы торжествовали в своё время на большей части известного им мира и были сокрушены не какими-либо неведомыми племенами, а хорошо им знакомыми и много раз ими побежденными мидо-персами. Конечно, мы верим, что нам вручена религиозная истина, но религиозная истина была вверена и древним евреям, которым суждено было сохранить лишь жалкие обломки своей культуры. Византийская культура, не уцелевшая от падения, тоже была культурой христианского народа. Метерлинку-утешителю, в голову которого не укладывается мысль о гибели нашей Европы, поучительно было бы вспомнить слова римского поэта, который также не в силах был вообразить, что когда-либо перестанет существовать Рим. Воздвигая себе памятник *aere perennius*[4], Гораций сулил ему существование *dum Capitolium scandet cum tacita virgine pontifex*, т. е. (пер. А. Фета) «доколе в Капитолий с безмолвной девою верховный входит жрец». Скромный друг Мецената, вероятно, не без колебания

написал эти притязательные слова. Он не предвидел, что срок окажется слишком коротким, что его слава переживет Капитолий!

Подступив к древним историческим народам Дальнего Востока, Европа вообразила, что её миссия – просвещать их. Между тем Китай и Япония почитали себя в таком же праве цивилизовать Европу. Название «варваров», которое китайцы, подобно эллинам, дают всем иностранцам, у них не пустое слово. Народам Востока условия жизни европейского Запада кажутся именно «варварскими», чуждыми просвещения. Естественное отношение этих двух миров – ненависть друг к другу, открытая война или скрытое [экономическое] соперничество. В открытой борьбе [на Дальнем Востоке] первоначально имели успех европейцы, которые в течение целых столетий чуть ли не все силы своего ума устремляли на изобретение орудий истребления и достигли в военном деле большого совершенства. Но в экономическом соперничестве с самого начала верх оставался за жёлтой расой. Америка и Австралия должны бы-

ли оградить себя запретительными законами от нашествия китайских рабочих. Японские изделия стали вновь отбивать только что занятые европейцами рынки... Наконец, японо-китайская и русско-японская война показали, что и в военном деле Дальний Восток скоро сравняется с Европой, если уже не сравнялся теперь. Время ли утешать, что «жёлтая опасность», кажется, не серьёзна?

История сохранила нам примеры борьбы между расами. Тогда как самые ожесточенные войны между родственными народами нередко разрешались в тесную дружбу (Россия и Франция, Пруссия и Австрия, Китай и Япония), борьба рас всегда вела к истреблению или порабощению одной из них. Взятие Вавилона Киром, разрушение Тира Александром и Карфагена римлянами – только разрозненные главы борьбы арийцев с семитами. Борьба кончилась политической смертью семитов, и поныне мы, арийцы, не можем избавиться от бессознательной, противовольной, «племенной» ненависти к евреям. Ещё не законченная борьба арийцев с монголами доходила до такой ожесточённости, ка-

кой никогда не знали войны европейцев между собой. После 400-летней совместной жизни турки всё-таки не могут органически войти в состав Европы, и «македонские зверства» каждый год напоминают нам, что [христианское] поражение при Варне ещё не отомщено. Завоевав Америку и Австралию, европейцы истребили их население; заняв Африку – обратили туземцев в рабов. Классическая страна равенства, Соединённые Штаты, до сих пор не хочет предоставить равные права чернокожим. Союз Англии с Японией – искусственный и случайный. Англия готова ссужать деньги, чтобы помочь в борьбе со своей вековой соперницей, но, конечно, англичане первые откажутся признать желтокожих одинаковыми с собой существами. Англичане в своих восточных колониях никогда не сядут за один стол с туземцами, будь то и японцы. А сами японцы, после битвы при Тюренчене, поручив хоронить русских солдат протестантскому священнику, выказали, сами того не желая, свой взгляд на христианскую Европу как на одно целое.

«Жёлтая опасность»! Выражение успело

опошлиться и принять комический оттенок. Предостерегали от «жёлтой опасности» и искренние прозорливцы, как Вл. Соловьёв, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. События кричали прямо в уши: за японо-китайской войной следовало боксерское движение, за ним наша война с Японией. И всё же до сих пор громадному большинству кажется нелепой, невозможной мысль, что Восток может поработить Европу. «Войну затеяло правительство, нас она мало касается, и чем бы ни кончилась, всё опять пойдёт своим чередом или, авось, немного иначе», — думает обыватель в России. «Это частное дело русских, они заварили кашу, пусть сами и расхлебывают, а мы у огня погреем руки», — думают в Европе. То и другое мнение, по меньшей мере, — легкомысленный взгляд на исторические события. Воля отдельных лиц и целых поколений ничтожна перед теми силами, которые направляют жизнь народов и государств. Россия в своем вековом движении на Восток должна была докатиться до южных берегов Великого океана, и остановить её было бы столь же трудно, как удер-

жать лавину, падающую с вершины вниз. Два мира, европейской и азиатской цивилизации, могли развиваться рядом, пока их разделяли пустыни: океан, баснословный Тибет, дикая Маньчжурия. Столкнувшись лицом к лицу, они почувствовали, что им на земле тесно. Поскольку Россия хочет быть представительницей Европы, поскольку Япония – передовой боец Азии, их борьба может окончиться только порабощением одного из противников. Всякий иной мир будет лишь перемирием, за которым позднее последует новая «пуническая» война.

Нашествие Востока на Запад и падение Европы кажется многим слишком громадным событием, не по нынешним маленьким временам. Они забывают, что именно невероятное чаще всего и случается в истории. Разве правдоподобно было во времена Короля-Солнца, что русским казакам придётся вспоминать «уврат Парижа свой бивак», или во времена Карла V, императора Священной Римской Империи, короля испанского и властителя обеих Америк, «во владениях которого никогда не закатывалось солнце»,

что «американцы» будут бить испанцев при благосклонном нейтралитете всей Европы? Жителям феодальной эпохи должно было казаться, что времена больших централизованных государств миновали безвозвратно, как мы теперь уверены, что миновали дни мировых переворотов и настало время малых дел. История мыслит столетиями и тысячелетиями, а мы, маленькие люди, живущие десятки лет, никак не можем приспособиться к её масштабу. Нам страшно поверить, что и мы живем в великие дни, подобно тому, как мы не хотим понять, что наша Земля – в небе. На нас наступила нога великана, а наши исповедники-утешители, различающие только его ступню, успокаивают нас: «Полноте, великанов больше нет, какой же это великан, где же его голова». Бедняги! Поднимите глаза выше.

<Начало 1905>

Сноски

«Двойной сад» (фр.)

[^^^]

2

Неизвестная южная земля (*лат*)

[^^^]

гражданин Рима (*лат.*)

[^^^]

4

«Вековечней меди» (лат.) (пер. В. Брюсова).

[^^^]